

Марина Русланова
Мария Некрасова

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ 42

Ядовитый сюрприз
Прятки с кошмаром

Мария Евгеньевна Некрасова

Прятки с кошмаром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3939965

Большая книга ужасов 42: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57776-7

Аннотация

Строители, которые приехали расчищать место рядом с конюшней под новую застройку, и не догадывались, что перекапывают старое кладбище. Теперь у местных будут большие проблемы! Кладбище-то не простое – на нем в давние времена хоронили самоубийц и преступников. Не знает этого и Ленка, занимающийся на конюшне вместе с другими ребятами. Но спасти деревню от нахлынувших упырей придется именно ему, ведь он единственный крещеный ребенок в округе, а упыри только таких и боятся...

Содержание

Глава I,	4
Глава II,	7
Глава III,	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мария Некрасова

Прятки с кошмаром

Глава I, в которой деревенские наезжают, а Леньку спасает уздечка

Ленька терпеть не мог эти походы на речку. Особенно в жару, когда солнце так печет, что всех деревенских магнитом тянет к воде. Они и тянутся. Тут и там на берегу мелькают смуглые спины и выгоревшие макушки... А ты ходишь один, как дурак, и думаешь, какие скорее заметят: те или эти. Если те, то их много, а ты один (Гриша не в счет). Если эти, то их поменьше, но они старше, а значит, схлопочешь ты скорее и больнее, так что неделю не придешь в конюшню. А когда придешь, Сергеич скажет: «Ленька, где ты был, Гриша без тебя совсем заскучал, кто ж его пасти-то и купать будет без тебя? Давай, после занятий сгоняй с ним к речке», – и все снова-здорово.

Самое обидное, что ты всегда один против многих. Ниже по реке Лысый отмывал пыльного Бабая, еще метрах в двадцати плескались Ирка с Пирсом, а во-он там дальше Митек затаскивал в воду упирающегося Ролика. Они не могли прийти Леньке на помощь, даже если бы на него напал вооруженный отряд повстанцев: оставлять лошадей без присмотра нельзя. Привяжешь к деревцу, отойдешь – тут же прибегут деревенские и угонят. Не насовсем: где им ее прятать-то, когда Сходня почти рядом с конюшней. Так, покатаются и отпустят где-нибудь в лесу, а ты потом бегай ищи. Сергеичу жаловаться бесполезно, скажет: «Сам упустил, сам и лови», – и ты пойдешь ловить, как миленький, куда деваться-то? Он, конечно, поможет, если заплутаешь до темноты, но виноватым у него все равно будешь ты, а не деревенские. Где их, деревенских, искать-то? Ты сам, небось, и лиц не вспомнишь, потому что каждый раз к тебе лезут разные. А ты – вот он, так что получай и от тренера, и от деревенских, и свои тебе не помогут. Прийти на выручку вместе с лошастью – тоже нельзя. Ребята потому и гуляют так далеко друг от друга: попробуй поставь рядом двух жеребцов! Драка будет похлеще, чем у городских с деревенскими! Это под седлом в смене кони смирные, а когда на них один легкий недоуздок с поводом, отчего ж не пошалить?! Некоторые животные совершенно не умеют жить мирно.

Ленька увидел некрутой спуск в камышах, небольшой и, кажется, незаметный изда-лека, и повел коня туда. За высокой травой, может, деревенские и не заметят. Сейчас окунутся по-быстрому, Гриша и негрязный почти. Конь тянулся к траве, что категорически запрещалось у реки, Ленька сам не помнил, почему. Он взял Гришу покрепче за недоуздок и завел по брюхо – до травки не дотянется теперь. Из-за высоких зарослей было видно Ирку с Пирсом выше по реке, а за ней – компанию деревенских ребят: всего трое, но явно старше Леньки и, кажется, уже поглядывают в его сторону. Быстро сполоснуть коня и валить!

Вот загадка: двадцать человек в конюшню ходит, все москвичи. Казалось бы, деревенские должны одинаково ненавидеть всех, а вот и нет. Почему-то всегда они докапывались только до Леньки. Если, например, лошадь без присмотра – это одно: угонят и не посмотрят, чья. А с людьми – нет. Именно Ленька им чем-то не угодил, причем всем сразу. Зачинщик, конечно, Фока. У него фамилия Фокин, отсюда и кличка дурацкая. Но этот с дурацкой кличкой был заводилой у всех деревенских, и Леньку третировал с первого дня, как тот пришел в конюшню.

Парни явно смотрели в Ленкину сторону, Фоки среди них не было, ну и что? Один в синих плавках кивнул остальным, все не спеша вышли на берег и направились к Ленке. Пора валить. Гриша бултыхал мордой в воде, расфыркивая брызги. Ленка пару раз провел мокрой рукой по лошадиным бокам – вот и помылись. Извини, друг, дольше некогда, а то кто-то схлопочет так, что еще неделю не сможет вывести тебя к реке.

У берега Гриша поупирался, торгуясь за право сорвать запретную речную травинку, чем и дал фору Фокиной банде.

– Здорово, ботан! – Ленка знал этого в синих плавках и тех двоих, что с ним: второй с облупленным носом, самый старший, наверное, десятиклассник, и третий – маленький, самый загорелый и самый вредный. Только не знал, как их зовут, такие не представляются.

– Сам ботан. У меня две тройки за прошлый год. Здрасьте.

– Ты что такой невежливый? Сразу обзывать... – Вот что тут ответишь? «Сам невежливый» или еще смешнее: «Ты первый начал»? Любая Ленкина реплика только приближала назревающую драку, и даже отмолчаться не помогло бы. Можно было еще спасти положение: прыгнуть Грише на спину и умчаться вдаль. Но на Грише ни седла, ни уздечки, один недоуздок с поводом. В такой экипировке лошадь, конечно, управляема, но вся управляемость на честном слове. Захочется Грише, например, повернуть не туда или понести, Ленка его не удержит одним поводом без трензеля. И Гриша, подлец, это знает.

– Че молчим-то? – А что здесь отвечать? Ленка многозначительно посмотрел на этого в синих плавках и привычно схлопотал в нос. Кровь хлынула моментально: если нос методично разбивать два лета подряд, он начнет кровить от одного прикосновения. Ленка молча запрокинул голову, нагнулся сорвать лопух и был наказан ногой под дых:

– Я с тобой разговариваю!

«О чем?» – Ленка старательно сглатывал слезы, но они предательски просачивались и еще больше злили деревенских. Маленький взял Гришу за недоуздок и, как ни в чем не бывало, попросил:

– Дай покататься.

Ежу понятно: стоя на карачках с разбитым носом очень трудно отказать человеку в невинной просьбе. Даже если знаешь, что тебе потом придется битый час бродить по лесу искать коня. Ленка уже обреченно кивнул...

– Ну-ка оставили чужую лошадь! – Ирка на Пирсе подъехала по воде. Прежде Ленке издали было не видно, а теперь разглядел: хитрая Ирка надела под недоуздок уздечку. Сергеичу за пятьдесят метров (или где он там) не видать, а лошадь управляема.

– Оставили чужую лошадь, – повторила Ирка. – Домики-то ваши продать хватит на такого араба? Я вот папе скажу, и кому-то придется долго сидеть. Это не ваш глухой участковый.

– А кто? – странно спросил мелкий, обходя Ирку сбоку. Хотел стащить за ногу, но не тут-то было. Ирка развернула коня задом к мелкому, и случилось то, что всегда случается с теми, кто подходит к Пирсу сзади. Конь прижал уши и брыкнул задними ногами так, что не успей мелкий отскочить, ему досталось бы серьезно. А так: схватился за ребра, сел напротив Ленки и одними губами сказал: «Убью».

– Кто ж тебя учил к лошади сзади-то подходить! А еще деревенский. – Ирка смотрела на мелкого, как учительница младших классов на провинившегося ученика. Потом как будто вспомнила, о чем они говорили: – Прокурор. Пошли, Ленка, Сергеич звал давно. – Она многозначительно глянула на компанию. Типа: «Подумайте-подумайте, оно вам надо?» – и уехала на несколько шагов вперед, показывая, что не боится.

Ленка не заставил себя ждать: вскочил, зачем-то бросил: «Пока» – и потрусил пешком следом за Иркой. Дистанцию надо было держать, все-таки Гриша был без уздечки: вдруг

ему захочется показать Пирсу, кто здесь главный. Мелкий заржал ему в спину, а тот в синих плавках высказал:

– Беги-беги! Завтра увидимся!

– А я Фоке привет передам, – добавил мелкий, и стало совсем кисло.

Ленька плелся за хвостом Пирса, метрах в пяти, удерживая Гришу за недоуздок от необдуманных поступков. Хотелось ныть, и он знал, что Ирка поймет.

– Чего они до меня докопались, а? Вот скажи, что я им сделал?

– Просто глянул. Не бери в голову, Лень. Раньше вон Лысого гоняли...

– А как я пришел, переключились на меня!

Этот разговор велся у них не в первый раз, но Ирка никогда не отпиралась и не забывала своей роли. Она каким-то девчачьим чутьем понимала, что Леньке это нужно, и терпеливо выслушивала все, что уже знала наизусть.

– Как думаешь, правда Фоку натравят?

– Так он и дал себя натравить! Он у них главный... – Ирка быстро спохватилась: – Обычный хулиган. Вырастет – пойдет работать охранником сутки через трое, пока не сопьется, как полдервни. Забей!

Леньке стало легче, хоть нос еще и кровил. Его почему-то грела эта мысль, что Фока и дружки обязательно сопьются и вообще плохо кончат. Посмотрим потом, кто над кем поиздевается!

Впереди уже показался бетонный забор конюшни. У забора загорали Сергеич, Лысый и Митька, уже без лошадей – успели накупаться.

– А чего про отца-прокурора соврала, думаешь, поверят?

– Думаю, не захотят проверять на себе... Ой, иди вперед, отвлеки Сергеича. А то увидит у меня уздечку в неуставное время...

Ленька далеко обошел Пирса и прибавил шаг. Сергеич стоял у забора, смешно раскинув руки, как морская звезда. Митька и Лысый валялись на травке. Ленька сорвал лопух и стал лихорадочно вытирать нос, но все равно все заметили.

– И где ты успел подраться? – спросил Сергеич.

– Опять Фока, да? – Митька все про всех знал, неизвестно откуда. По крайней мере, Ленька ему никогда не докладывал. Лысый только сочувственно кивнул и пошел помогать Ирке снимать уздечку с Пирса, пока Сергеич отвлекся на Леньку.

– Деревенские... Сергеич, ты давно хотел помещение менять. Может, пора? Где-нибудь подальше от деревни...

– Ты мне зубы не заговаривай! Понимаешь, что у тебя могли опять угнать коня? Зачем ты связываешься?

– Я и не заговариваю, я по делу. Если деревенские коней угоняют...

Сергеич беспомощно махнул рукой и отвернулся лицом к забору, раскинув руки, как морская звезда. Ирка с Пирсом быстренько пробежали в конюшню.

Глава II, в которой Сергеич ведет себя как дурак, а лошади – как табун

Город наступал. Валочная машина, неумолимая, как поступь командора, грохотала все ближе. За бортами ее шлейфом завоеванных земель тянулся новый микрорайон. Казалось, не успеешь убежать, и сам превратишься в новостройку. С башенками! Эти дома проектировал какой-то сумасшедший фанат сказок. За лесом, редееющим с каждым днем, уже виднелся и замок Бастинды, и башня Черного короля, и какой-то стеклянный куб совершенно космического вида, должно быть, Незнайка на луне такие встречал.

Смена брела по просеке прямо на вальщиков. Лошади прижимали уши, демонстрируя готовность в любой момент испугаться шума и понести. Но Сергеич не думал сворачивать. Ленька видел его спину впереди и пышный хвост Булата под ней: не Сергеич, а кентавр без мозгов – прется прямо на технику.

За стволами маячили красные борта трелевочника. И кто решил, что это трактор? Танкетка натуральная, только пушки недостает, ну и яркая еще не по-военному. А война идет. С самой зимы, когда на пустыре достроился замок Бастинды и первая валочная машина вошла в лес, как захватчик. В конюшне занимаются в основном москвичи, они-то восприняли это как должное. А вот деревенским не понравилось, что вырубают их лес. Раскошегарили керосиновый свой Интернет, списались с «зелеными» и вместе пошли протестовать. Перекрывали дорогу с плакатами, дежурили у деревьев на пути валочной техники... Ребят из секции это сперва раздражало: дорогу перекрывают, подъехать нельзя. Отец погудит-погудит в пробке, да и высадит: пехай, сынок, два километра в свою конюшню, а то я тебя до утра не довезу. Сам развернется – и домой, потому что припарковаться подождать тоже негде. Обратно добирались сами на электричках, на попутках, в общем, одни проблемы от этих митингующих.

...А сейчас уже все привыкли. К тому же лето, два километра можно и прогуляться: ни сугробов, ни слякоти и не холодно. Эти с плакатами перестали раздражать, и Ленька уже подумывал: а какого черта?! Ну не хотят люди, чтобы вырубали их лес, что ж в этом плохого? К тому же вырубят, сровняют с землей и придут в конюшню. Сергеич давно говорит, что градостроителям она поперек горла. Значит, придется искать другое место, а это нелегко: снять помещение для двадцати лошадей. Как ни крути, а вырубка леса – проблема не только для деревенских. Но разве тут что-нибудь сделаешь? Деревенские вон полгода уже митингуют, а леса все меньше. Танкеткам все равно, что ты думаешь, даже если они трелевочные.

Клешня валочной машины прошла совсем близко. Ленька увидел впереди знакомые спины деревенских и придурковатый плакат: «Вас самих вырубить мало». Булат под Сергеичем затанцевал, и это сейчас же передалось всей смене. Закозлил Бабай под Лысым, Ролик встал на свечку, Пирс под Иркины вопли шарахнулся в кусты. Гриша напрягся и сильнее прижал уши. Ленька подобрал повод, прошипел коню: «Только дернись» – и вжался в седло. Он не видел, что делают сзади остальные, но догадывался по воплям и топоту. Все-таки табун есть табун: если один начал беситься, то это заразно. Сергеич обернулся: все в седле, и невозмутимо свернул на тропинку в сторону конюшни.

– Давно пора! – процедила Ирка, выбираясь из кустов. Пирс под ней жевал веточку. При каждом движении веточка хлестала по глазу, и конь подмигивал совершенно по-хулигански. – За каким его понесло на технику?! Массой задавить решил?

– Да племяха у него там. – Лысый придержал коня, пропуская Ирку. – Юлька, помнишь ее? В конюшню иногда заходит. Шестой класс, а все туда же: с транспарантом под танки. Вот Сергеич и переживает. Чего им неймется?

– Живут они здесь. – Ленька подумал, что не он один видит в тракторе вражескую танкетку. Лысый вон, хоть и не разделяет протестных настроений, а тоже заметил.

– Ну и что? Ну снесут их лес, ну деревню – туда же. Им же нормальные квартиры должны дать, в городе. С Интернетом и туалетом. Вот чудачки-люди!

Ленька фыркнул, а Ирка озвучила:

– Поверь, Лысенький, не в туалете счастье!

– Да ну! А я все думаю, где, блин, оно! Оказывается, не там искал, ты мне глаза открыла!

– Обращайся, если что...

Техника осталась позади. Шум еще доносился до ребят, но когда он уже удаляется, как-то легче. Гриша потянулся к малиннику, и Ленька беспечно приспустил повод: чего его держать-то, когда все спокойно? Но это он поспешил. Даже не видел, что такое произошло: то ли вражеская танкетка взвизгнула от натуги, то ли скрипнула клешней валочная машина, а может, Ирка взяла высокую ноту, споря с Лысым о туалетах и счастье. Но Гриша (козел он, а не конь) прижал уши, шарахнулся в кусты и понес по бездорожью, потрясая свободным поводом.

Ленька вцепился в луку, встал на стремянах, как жокей, зажмурился, спасаясь от веток, хлеставших по лицу. Свободными пальцами он пытался нащупать повод, но только выдирает волосы из гривы. Смена и вальщики оставались все дальше. Леньку трясло по пенькам и ухабам. Вот ведь Гриша удружил, хрупкое животное, весом в полтонны! Сергеич перед каждой поездкой в лес рассказывает, как важно беречь лошадь на бездорожье, чтобы не споткнулась о корешок, не переломала ноги. А этот козел несется только так, по корешкам, пенькам и ямкам. Тоже мне, чистокровный араб! Да на таких арабах в деревне дрова возят!

Лес не кончался. По Ленькиным прикидкам, лошадь несла в сторону конюшни, и уже давно пора было бы принести, сделать километровый круг почета, пробежаться по коридору туда-сюда и встать в денник. Это по расстоянию. А по времени – Ленька не сомневался, что Сергеич уже заметил его отсутствие, определил направление и сейчас плетется где-то сзади. Догонит – прочтет лекцию: «Как важно крепко держать повод, находясь рядом с валочной техникой». А лес все не кончался. Похоже, Гриша забирал чуть в сторону, вот они и носились кругами.

Ленька, наконец, ухватил повод, подобрал, потянул. Конь, глотнувший свободы, встал резко, да и пропустил седока вперед. Ленька перелетел через голову и приземлился на острый корешок. Рядом брякнула железка: ключи? Телефон? Вроде, не брал с собой ни того, ни другого. Залез в карманы – пусто, все сухарики слопал этот козел. А ну как они заблудились? Будут блуждать тут несколько дней, пока не выберутся к своим. Гриша-то и травки поест, а вот Ленька от голода очокурится.

Конь нагло обнюхивал Ленькины карманы, типа: «Я же тебя привез! Не знаю, куда и зачем, но плату за проезд гони...»

– Отлипни. – Ленька встал, не выпуская повод, отряхнулся и поискал глазами упавшую железку: что бы это могло быть? Если не ключи и не телефон... Ну нет!

Нет, а да – в маленькой луже у пенька сверкнула подкова. Гриша с невинным видом ошипывал куст, типа он тут не при делах, и подкова не его, а Ленька готов был разрыдаться. Нет, не беда, что конь расковался, со всеми бывает, и доехать на таком очень даже можно (лучше, конечно, в поводу, но они никому не скажут). Беда в том, что он не стоит на ноге! Гриша высоко по-собачьи поджимал заднюю ногу, а это ничего хорошего не предвещало.

– Вот оставлю тебя здесь, вальщикам на съеденье! – пригрозил Ленька и пошел ощупывать копыто. Причина быстро нашлась: бегая по лесу, Гриша ухитрился загнать в стрелку ковочный гвоздь. Это как иголку под ноготь: ничего непоправимого, но очень больно. Секундное дело: взять клещи и... Ленька осекся и отпустил копыто: клещей-то он не захватил. Гвоздь надо было тащить пальцами, ну или брать Гришу на ручки и нести в конюшню, где клещи есть.

– Козел ты, а не конь! – Ленька оттянул майку, взялся через ткань за гвоздь, расшатал... Если бы он не держал ногу так крепко, Гриша бы ее выдернул и засветил спасителю в глаз. Но Ленька был начеку. Гвоздь поддавался, хоть и с трудом, Ленька спиной чувствовал, как возмущенно пляшут на него Гриша – больно это, когда гвоздь из стрелки вытаскивают. Может и цапнуть, если станет совсем неспособен...

– Все! – Ленька поднял над головой гвоздь, как боевой трофей, и заметил, наконец, как тихо вокруг.

Он, конечно, не ждал оваций, тем более, от Гриши, но где, например, шум дороги? Или шум валочной техники: в лесу, в конюшне, даже в деревне он слышен отовсюду. Что же получается: вражеские танки уехали? Рано еще. Или Гриша занес их в какой-то очень-очень дальний неизведанный ранее уголок леса? Быть такого не может! Этот лес уже почти насквозь просматривается, какой, к черту, дальний уголок?!

Ленька замер, вглядываясь в черные стволы, и прислушался. Гриша смачно хрупал травой (пойдут в кино – Ленька не купит ему попкорна), чуть шелестели на ветру верхушки деревьев – и все! Странная тишина. Вдобавок еще начало темнеть, или кажется? Часы и телефон остались в раздевалке, Ленька понятия не имел, который час и как долго они с Гришей тут пасутся. Странно, что Сергеич их до сих пор не нашел, вроде и убежали недалеко. Надо потихоньку выходить самим, если и правда темнеет...

Ленька взял крепче повод и повел коня вперед, туда, где по его прикидкам должна быть конюшня. Он все так же прислушивался, но ни дорога, ни валочная техника не давали о себе знать. Тишина. И темнело! Подло так, по-летнему: то ли сумерки, то ли кажется, а потом раз – и темень. Ленька брел уже на ощупь, из-за стволов не просачивалось даже плохонького света от конюшни или придорожных фонарей. Значит, еще далеко?

– Во занесло-то! Все ты!

Гриша брел следом, невозмутимый, как пень, да еще жевал на ходу сорванные листики. Стволы стояли очень тесно. Ленька то и дело снимал с лица невидимую паутину и все боялся, что вот между этими соснами Гриша не пройдет по габаритам, и они застрянут здесь до утра. Назад – нельзя, потому что не видно, куда, вперед – не пройти. Вообще, это безумие – болтаться с лошастью по ночному лесу, без фонаря, на ощупь. Вряд ли здесь водятся волки-лисы, а все равно страшно. Сергеич, небось, рвет и мечет... А на помощь не торопится. Покричать, что ли? Было почему-то боязно шуметь в ночном лесу, вроде и знаешь, что никакого хищника здесь нет, а все равно.

Ленька в очередной раз остановился и прислушался. Ночь безветренная, только чуть шелестят верхушки деревьев, и ни дороги, ни деревни, никаких человеческих шумов... Справа хрустнула ветка под чьей-то ногой. Гриша поднял башку и поставил уши домиком, как собачонка: «Стой, кто идет?» Ветка снова хрустнула, и за деревьями показался свет, красный, как от костра.

– Сергеич? – Ленька взял повод короче и быстро пошел на свет, уже не парясь, впишется Гриша между стволами или застрянет. Домой захочет – впишется. Запаха костра не было, не было и дыма, фонарик, что ли, у Сергеича такой красноватый? Ленька скакал на свет по корешкам и ямкам, а Гриша не вовремя начал чудить. Ни с того ни с сего он встал в самую большую лужу, уперся четырьмя ногами, да еще мордой потянул на себя повод, типа: «Не пойду».

Ленька поискал глазами, чего такого мог испугаться конь: ветки, пеньки, лужи...

– Да ну тебя, пошли! Я еще уговаривать должен?!

В той стороне, где свет, опять хрустнула ветка.

– Сергеич, я здесь! Только Гриша упрямится. – Ленька потянул повод, но конь встал на свечку, развернулся и...

– Ну нет! Домой ты сегодня пойдешь, без закидонов. – Ленька вцепился в повод, подобрал с гривкой и запрыгнул в седло. Запрещенный прием с расковавшейся лошастью на неровной дороге, но эта лошадь сегодня уже наломала дров, так что переживет. Правый повод, левый щенкель, развернулись, поехали навстречу свету в конце тоннеля. Знаешь, Гриша, сколько прутьиков в лесу? Ленька не советует упрямиться.

Конь сделал шаг в сторону красного света и замер по стойке «смирно». Ленька чувствовал коленками, как напряглись лошадиные мышцы: дельтовидная, трапециевидная, шейно-головную – и ту чувствовал, конь вытянулся струной, как английский гвардеец.

– Да ты что? Не хищники же там костерчик разожгли! – Ленька был уверен в своей правоте: у костра или с фонариками, за деревьями могли быть только люди. На машине? Но Гриша не боится машин. Может, запах какой незнакомый? В любом случае, из леса они выведут, чем бы ни пахли. Но разве лошади объяснишь?

А свет приближался. Потихоньку, по сантиметру, подползал по стволам, по земле к ногам Гриши. Конь попятился. Человека с фонариком по-прежнему не было видно, похоже, и правда машина. Как же она сюда подъехала? И почему не шумит? Ленька сжал ногами лошадиные бока, посылая коня вперед, навстречу свету, но тот попятился еще быстрее, как заводная игрушка, наткнувшись на преграду. Ленька вцепился на ходу в куст, сломал пруттик и показал упрямцу:

– Хоть постой спокойно! – Не помогло.

Свет подползал, Гриша пятился, Ленька вглядывался в лес: что ж там страшного? И увидел.

Из-за деревьев прямо на мальчика и коня выходил человек. Худой и в лохмотьях, такими рисуют нищих в детских книжках, но дело не в этом. У него не было ни фонаря, ни факела, красный свет исходил от его лица. Светящийся кругляш между высоким воротником и жидкими длинными волосами, как огонек светофора, только украшенный пустыми глазницами...

Дальше Ленька не разглядел, потому что Гриша вскочил на свечку, развернулся на задних ногах и понес прочь от страшного кого-то. Ленька клюнул носом лошадиную холку, но в седле усидел. Летел верхом, неспортивно вцепившись в шею, и только молился, чтобы Гриша опять не споткнулся о какой-нибудь корешок, на этот раз серьезно. Ветки царапали по ногам. Ленька думал, что Грише наверняка тоже достается, и это еще больше подгоняет его. Подгоняет-то подгоняет, а так и упасть недолго, да и Сергеич не погладит по головке за исцарапанную лошадь. Интересно, где же все-таки конюшня? И дорога где? Лес, который со стороны выглядел маленьким, вырубленным наполовину, изнутри оказался огромным и страшным. Что за зверя они с Гришей сейчас видели? Ой, вряд ли это чей-то розыгрыш. А может, у парня это ночная оптика такая? Ну бывают же специальные очки в пол-лица, чтобы видеть в темноте? Кто их знает, как они должны выглядеть со стороны в ночном лесу? Может, специально такие жуткие, кабанов распугивать?

Гриша выскочил на знакомую тропинку до конюшни. Ленька сразу ее узнал: сквозь деревья проникал и свет с дороги, и со стройки на пустыре – выбрались. Оказавшись в знакомом месте, Гриша сам сбавил ход и рысью пошел в сторону конюшни. Ленька, наконец, выпрямился в седле и стал придумывать, что сказать дома по поводу своего опоздания. Нет уж, с такой правдой его на конюшню не отпустят до совершеннолетия. Или до пенсии, чтоб наверняка.

Глава III, в которой Леньке не дают подежурить спокойно

У ворот маячил белый хвост Булата – Сергеич из леса возвращается. Долго же ходил, да так и не нашел Леньку. Надеется, небось, что тот уже поставил лошадь и поехал домой. Сейчас не найдет Гриши в конюшне – перепугается.

Ленька быстро спешился, как будто так и было, и побежал с конем в поводу догонять Сергеича. Ничего, сил ругаться у него уже нет. Да он так рад будет, что Ленька нашелся...

– Ты где был?! Я всю деревню на уши поднял, тебя до сих пор ищут! Отъехал вот в конюшне посмотреть... И давно ты здесь околачиваешься?

– Я не околачиваюсь. За тобой шел. Гриша расковался, пришлось добираться пешком.

Полуправда всегда проглатывается. Сергеич отпер ворота, пропустил вперед Леньку с Гришей, посмотреть, не хромает ли конь, и стал бубнить в телефон, чтобы их больше не искали. Часы над воротами конюшни показывали начало двенадцатого. Ой, кому-то дома влетит!

– Сергеич! Можешь позвонить моим? На тебя-то они орать не будут. А пока доеду...

– Позвоню-позвоню. Ставь быстренько на развязку и беги, а я ноги гляну. Коваль только в пятницу будет... Погоди, а как ты домой-то?

Ленька так и замер в коридоре с недоуздком в руках. Так поздно он еще не задерживался и не знал, до которого часа ходят электрички.

– А что, уже?..

– Уже! – передразнил Сергеич. – Я бы тебя сам отвез, но кто с лошадьми останется?

– Юлька... – Племянница Сергеича из деревни, которая митинговала сегодня в лесу, почему-то первая пришла на ум. Она иногда заходила в конюшню, то покатайся, то так помочь, но с группой не занималась, держалась особняком.

– Юлька спит давно... Погоди, а сам подежурить не хочешь? Я хоть дома заночую впервые за месяц, а?

Раньше на конюшне было аж двое дежурных: Сашка и дядя Витя. Они работали через ночь, сменяя друг друга. Но месяц назад Сашка уехала в Москву поступать в институт, и, видимо, конюшня не вписалась в ее планы. Дядя Витя же никуда не уезжал из соседней деревни, но то ли запил, то ли так с Сергеичем поссорился... В общем, тренер дежурил сам все ночи подряд, а желающих на это место все не находилось.

Леньке идея понравилась: все лучше, чем добираться до Москвы на перекладных среди ночи. Но как с родителями быть?

– Отпросишь меня – подежурю, не вопрос.

– Отпрошу, конечно! Где твой телефон?

Ленька махнул рукой в сторону раздевалки. Среди пустых шкафов Сергеич уж как-нибудь найдет нужный, и телефон в нем найдет, и номер отца в телефоне.

Гриша так и стоял в коридоре непривязанный и воровал сено из кормушки Пирса. Ленька надел на него недоуздок, поставил на развязку, расседлал и осмотрел ноги. Три оставшиеся подковы сидели крепко, придет коваль – поставит четвертую. Ну или Сергеич сам, не до пятницы же Грише ждать. Ранку в стрелке от гвоздя Ленька залил перекисью, поставил глину и стал ждать тренера, очень довольный собой. Сергеич вернулся уже переодетый в уличное: значит, получилось?!

– Твой отец параноик. Битый час выпрашивал меня, что ты будешь делать ночью на конюшне и крепко ли заперты лошади. Значит, смотри: поилки я уже включил, уборка – в шесть. Десять ведер овса запаришь с отрубями, вон корыто. По полведра на нос, ты зна-

ешь, да? И корыто помой сразу! А то засохшую кашу я потом не отколупаю. Дров на месяц накопи, на год – кофе... Кофе в тренерской. Спать можешь там же, будильник уже стоит на полшестого, боишься не успеть – переставь на пять. Телефон мой знаешь.

– Угу.

– Все, буду в восемь.

– Сергеич, погоди! Подкова-то как же?

Сергеич в дверях с сумкой наперевес, должно быть, так рвался домой, что забыл про все на свете подковы. Он даже замешкался перед тем, как ответить, наверное, вспоминая, что еще за подкова такая.

– А!.. Завтра. Приду и сделаю. Все, не скучай. Телик не работает, но Интернет есть. – Он хлопнул калиткой, но через секунду сунулся опять: – Запирайся!

Ленька толкнул длинную ржавую задвижку и пошел отвязывать Гришу. Конь танцевал на развязке: ему хотелось домой – есть, пить и дразнить через решетку Пирса. Завел, закрыл денник, и стало жутковато, так бывает первые несколько секунд, когда остаешься один. Вроде и давно хотел, чтобы оставили в покое, чтобы можно было, наконец, упасть на диван, включить компьютер. У Сергеича там еда хоть какая есть, кроме кофе? Еще бы пива предложил, тренер, блин, подростковой группы.

Грязненькая дверь тренерской была, как всегда, заперта, золото у него там, что ли? Пришлось повозиться-поперебирать амбарную связку ключей, которую оставил ему Сергеич. От овсяника, от душа, от сбруйной, от туалета (дожили). Нужный традиционно оказался последним. Ленька ввалился, включил свет и компьютер одновременно, плюхнулся на диван и наконец-то скинул сапоги. Это техника безопасности такая: хоть лето, хоть жара, будь добр в седло садиться в сапогах, чтобы нога в стремях не застряла. Если застрянет – пиши завещание: Сергеич убьет. Нет, вообще это опасно и все такое, но большая часть опасностей все равно исходит от Сергеича. Вот сейчас: уговорил подежурить, а еды не оставил. Опасный тип: морит детей голодом.

В маленьком холодильнике мерз одинокий пакетик растворимой лапши. Ленька помялся минут пять да и пошел наливать воду в чайник. Пластиковый, древний, из которого пила вся конюшня, он выглядел так жалко, что хотелось похоронить с почестями, а не мучить работой. Ленька прошел через коридор к раковинам. Пол холодный и надо бы подмести. Сапог он не надел, выбегая за водой, и за три шага набрал на носки кучу сена и опилок.

Кто-то из лошадей шумел поилкой, Ленька даже испугался в тишине и быстро открыл кран. Говорят, некоторые, оставшись одни, начинают специально кричать или громко петь, чтобы не было так тихо. Ленька вообще не боялся быть один. Да и после прогулки по лесу с краснолицым кем-то грех бояться. А все равно... Ой, зря вспомнил!

Свет в коридоре не горел, только поблескивали в темноте глаза лошадей и кран над раковиной. Ленька не трус, но смотался от греха назад в тренерскую, где светло и уютно. Сейчас еще лапши заварит... Поставил чайник, нашел в Интернете какой-то фильм, выкрутил колонки на полную – да закипит жизнь в отдельно взятой конюшне! А то тихо, как в могильнике. Заварил лапшу в битую миску Сергеича и уселся трапезничать.

Больше всего ему хотелось забыть о приключении в лесу и об этом краснолицем. Когда рядом был Сергеич, это было просто: знай себе болтай, обсуждай дежурство и Гришины подковы. А сейчас... Вроде и фильм подходящий: вопли-выстрелы, никакой мистики, а этот со светофорной мордой не шел из головы. И ведь наверняка, наверняка жуткое красное лицо окажется какой-нибудь банальщиной типа маски или ночной оптики. Но не сейчас, когда Ленька здесь один, до людей – два километра пешком, а за маленьким окошком тренерской – чернота. Ленька изо всех сил старался увлечься фильмом и не думать о встрече в лесу. Прибавлял громкости, сколько мог, и не сразу услышал стук.

В дверь колотили отчаянно, как будто пожар. Сергеич что-то забыл? Долго же пришлось вспоминать, небось, развернулся уже от подъезда. А если нет, то кто? Железная щеколда брякала от ударов на всю конюшню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.